

«Галилея языческая, народ, сидящий во тьме, увидел свет великий, и сидящим в стране и тени смертной воссиял свет. С того времени Иисус начал проповедовать и говорить: покаяйтесь, ибо приблизилось Царство Небесное» (Мф. 4: 15-17).

Мы слышим? Снова и снова Церковь призывает, начинает призывать: «Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное». 2000 лет проходит, и всё повторяется... Выходит, что призыв этот вне времени: он как бы растворён в Тайне Божией, неведомой человеку, и для каждого человека, в его отрезке земной жизни, звучит, зовёт, предупреждает.

Мы же не знаем этот свой отрезок. Он может кончиться через несколько лет, завтра, а может и сегодня ночью...

И опять же, мы услышали «Покайтесь, ибо приблизилось...» и кинулись каяться? Или в очередной раз «в одно ухо влетело, а в другое вылетело»? Да и толку что? Позавчера вроде исповедался, а вчера опять осудил своего коллегу, брата, священника. И ничего не могу с собой поделать...

Но и отступать нельзя.

Прочел книгу Клайва Льюиса «Пока мы лиц не обрели».

Хочется повторять эти слова: Пока мы лиц не обрели, мы живём ложными богами, то есть живём по необузданным страстям. (Без страсти человеку жить невозможно, но ими, страстями, следует управлять.)

У Льюиса в романе герои – жившие до Христа, язычники, а мы, христиане, лица утрачиваем, когда заповеди забываем, а живём страстями.

Мифы были в Греции, в Риме и у всех народов Земли, за единственным исключением: еврейского племени – еврейского народа, верящего в Единого Бога.

Мы сегодня (люди вообще), прожив два с лишним тысячелетия, хорошо узнав, утвердив исторически христианскую цивилизацию, «теряем лица», утрачиваем образ Божий. Закрываем лица масками, как царица Оруаль, главная героиня романа Льюиса. Только она – в силу уродливости лица, а мы – от паники и страха смерти, в силу сложившихся в мире обстоятельств.

Оправдание того или иного поведения человек всегда себе найдет, но как бы то ни было, Христа-Бога мы отодвинули на второстепенное место

(если не убрали вовсе). А на первое место поставили «многобожие», тех самых ложных мифических богов – немифические страсти, которыми руководствуемся и которым поклоняемся, и «лица утрачиваем», вместо того чтобы в испытании, попущенном Богом, устоять и образ Божий в себе не утратить...

Пока мы лиц не обрели...

На днях по телевизору смотрел встречу Петра Мамонова со зрителями, посвящённую его семидесятилетию. Рассказывая о молодых годах, когда он «кривлялся, как хотел» (и кажется, не очень о том кривлянии сокрушаясь), Мамонов последовательно и периодически переходил на тему покаяния, тему веры во Христа. Строил разговор со зрителем-слушателем, удачно совмещая необычную, как бы полушутливую фразу: «Что я буду делать в четверг, если умру в среду? Что буду делать?.. Зачем я живу?.. Сегодня-то я знаю, зачем? А тогда тяжко было. Криком кричал: «Господи, спаси! Не дай погибнуть!»

И тут показали кадр из фильма «Остров», где он в отчаянном напряжении каётся об убийстве. Не знаю, как он это состояние, играя, переживал, но смотреть больно. Больно, а герой, как и исполнитель роли, «обретает лицо» через глубокое покаяние (и в фильме, и в жизни). Только вот понял ли это зал? Было ощущение, что публика ожидала больше развлечений...

* * *

*Торжество православия. Краткое слово
в загородном храме, где нет ни диакона, ни хора.
Великий пост 2020.*

Братья и сестры, мы с вами по-разному смотрим на мир, на окружающие нас обстоятельства. Одни легко и просто: всё хорошо (или всё плохо), и есть Торжество православия. А другие – с очень обострённым взглядом.

...Рассказывает средних лет женщина: на работе предлагают подписать документ, согласно которому всё-всё про тебя будут знать (или уже знают), в котором есть главное слово, кратко, но ёмко говорящее: обезличивание. Да, да, чёрным по белому.

Обезличивание... Идёт процесс, нас усыпляют, и мы с этим обезличиванием соглашаемся: да будет тебе, батюшка, всё хорошо, да не обращай ты внимания. Зато всё гладко, быстро и удобно.

Но не следует ли задуматься: кому-то нужно это удобство, это «да не парься ты» и прочие оговорки? Непременно. Кому?..

Пока мы ищем и узнаём, кому, концлагерь создаётся. И близок к завершению.

И что делать? Не соглашаться с обезличиванием.

* * *

«Будущее больше не вдохновляет», – вздыхает известный проповедник протоиерей Андрей Ткачев в очередной пламенной проповеди.

Иллюзии по поводу «светлого будущего» отлетели, и будущее нас пугает. Инерция жизни продолжает быть, но и уныния тоже немало.

* * *

Пугает или обесмысливает?

Я как-то рассказывал об этом. Мне позвонили из Кинешмы про одного батюшку (когда-то маститого протоиерея), ушедшего за штат по возрасту и скучающего в глухомани на границе Кинешемской и Костромской земли. Но дети, приезжающие из городов, рассказывают про «жизнь»,

про эпидемию и прочие наши «украшения» ушедшего года. Батюшка удивляется и ужасается. Раз послушал, два послушал и однажды говорит: «Что за жизнь там у вас? Лучше умереть». И через несколько дней умер.

А вчера позвонила знакомая моей сестры (младшая подруга, помогающая сестре по хозяйским делам). Родители её живут в Марий Эл. И вот она говорит: «Батюшка, помяните, завтра мы хороним папу. Он хоть и в годах, но сильно не болел. Только после нескольких смертей в поселке (всё молодые мужики умирают, ему дети по возрасту) сказал: «Я старый и не умираю, а молодые умирают». И слёг, дней пять ничего не ел. И умер... Он такой добрый был, всем соседям и знакомым всегда помогал. Все к нему обращались, и он не отказывал...»

Видимо, надо быть очень осторожным со словами (с мыслями) и с подобными «определениями», со смирением, молчанием и удивлением – «всё ещё живу Милостью Божией» – благодарить Бога и продолжать в меру сил нести свой жизненный крест. В старости особенно тяжкий, не только от болячек, но и от одиночества.

Может быть, такие себе пожелания и не расходятся с волей Божией. Господь знает! По-разному происходят заключительные акты земного бытия, но такие мысли для старых и больных, а остальным надо стараться избегать подобных состояний. Надо читать Священное Писание, святых отцов, хорошую созидательную, устрояющую душу литературу. Сегодня в ней нет недостатка, хотя есть и дезориентирующая литература, и уводящая от православия.

Наше сегодняшнее будущее – это рассматривание Христа, идущего нас судить. Естественно, к этому надо готовиться. Верующим сказано: «возрадоваться, когда они услышат о бранях военных и о восстании народов и царств друг на друга. Тогда, сказано, приближается избавление ваше. Распрямитесь и не бойтесь».

Написано давно. Многие поколения переживали всякого рода катаклизмы, но нынешние ускорения научно-технических достижений ярко показывают нам антихристов цифровой концлагерь. Но будем уповать на Господа, не унывать и не отчаиваться. Мы же пока еще поём: «С нами Бог, разумеете языцы...»

* * *

*Слово на Обретение главы
Иоанна Предтечи. 2020 г.*

Про нас, сегодняшних, можно сказать, что нам ежедневно «усекают главу» ложью через СМИ. И мы таковому обстоятельству не только подчиняемся, но и добровольно в нём участвуем, то есть согласны на «усекновение». Только это наше «усекновение» не за правду, а, скорее, против неё.

Дьявол торжествует от таких дел, как когда-то торжествовала плясунья и её мать, когда попросили главу Иоанна и получили её. Известно, однако, что торжество их было недолгим, а про Иоанна 2000 лет помнят, да ещё и празднуют это событие – с некоторым оттенком печали, правда, но праздник. Утверждение Закона, утверждение нравственных «нельзя» («Не достоин тебе (Ирод) иметь жену брата твоего») не умирает, а живёт. И живёт в веках в христианском миропонимании.

Живёт и напоминает нам, что жизнь христианина – жизнь жертвенная, и мы от неё не должны уходить, а только просить помощи от Бога, от Матери Божией и от святых угодников Божиих.

Быть жертвенным не всякому из людей дано. Напрямую, то есть до смерти, способны единицы – святые люди, избранные Богом. Но помнить об этой добродетели и быть жертвенным, так сказать, «по мелочам» – это может всякий христианин.

Девочку назвали Евой. К имени она привыкла и полюбила его, но сама себе она не нравилась. Она не была весёлой, напротив, часто задумчивой и грустной...

Ева любила папу больше других. И жалела. И вот он ушёл от них. Какие непонятные взрослые люди.

А ещё умер дедушка. А ей так нравилось приходить в его дом!

– Когда я была совсем маленькая, он читал мне про райскую жизнь...

* * *

Такие ведь вопросы задаются сегодня и всегда задавались: «Кто виноват? Что делать? Как жить дальше?». И на них почти никогда нет ответа. Или ответы расплывчатые, неконкретные. Или неправильные вовсе и значит еще и запутывающие. Признать, понять, что виноват в первую очередь я сам, – до этого еще надо дорасти.

Очень малое число людей обрели ответы и ходят перед Богом всякий час своего земного бытия. Очень малое число – святые люди. Правда, их накопилось достаточно в истории христианства. Достаточно, чтобы читая их, находить тропинки к подражанию, но то уже другая история. В основном она не для нас, задающих, продолжающих задавать те самые каверзные вопросы.

На днях как-то мне на миг представилось такое суждение. Ничего нового в нем нет, святые люди об этом состоянии тысячу раз сказывали, но тут вдруг, как бы самостоятельно: ходи перед Богом всякий час. В том числе и помышляй, что умереть можно в любой момент. Помышляй и говори: Господи, помилуй, Господи, прости. В огороде ли ты, в транспорте ли, на прогулке ли и даже на службе в храме держи эту мысль – стой перед Богом...

Представилось такое на самый краткий миг. Плохо у меня получается держать такое подалше и чистым умом. А надо бы. Обстоятельства сегодняшней нашей жизни усилено, вот уже больше года, напоминают: умер тот, умер другой. Умирает много. Господь попустил нам такое небывалое испытание. Даже если ты сразу ковидную изобрел «дядя Сэм», но ведь не без Божьей же воли такое попущение.

Попустил Господь, значит: принимай, верующий человек. Так мы и принимаем! Принимаем? А как принимаем? И приближает ли наше «принимание» к Богу, к Церкви, к Чаше, к исповеданию? Или мы, так скажем, «у стен Церкви» еще находимся, хотя внешне и внутри Неё?

Общая обстановка – «мутное болото». Один говорит одно, другой противоположное, и в гражданском мире, и в Церкви тоже. Дезориентации много, ориентира нет. Что Христос во все времена есть и был Главным Ориентиром – это не всякий еще усвоил. Усвоение данной идеи, то есть веры во Христа у тех, кто вопросы, с которых мы начали разговор, давно не задает, а молится и уповаet на Него, и готов за Ним идти, во что бы то ни стало...

* * *

Никто не хотел умирать. В советское время, в нашей молодости, был кинофильм с таким названием. В нем борьба за идею: ставят председателем колхоза человека, а противники его убивают, ставят другого и снова смерть.

«Не хотел умирать» – это естественно. Господь создал человека для вечности, и значит, для верующего человека смерть – переход в другую сферу бытия. В христианской истории есть примеры желания смерти, потому что такие люди вождедеют этот переход и дальнейшее бытие со

Христом, и даже добровольно идут на свою голгофу, подражая Христу. Ныне таких очень мало, большинство говорит: «Не хочу умирать».

Не хотеть умирать и бояться смерти, повторяюсь, естественно для нашей падшей человеческой природы, и значит сопротивляться, лечиться, по возможности бороться и, может быть, побеждать болезнь, но для верующего во Христа человека, при всем при том, главной установкой в поведении его должны быть слова Христа – Спасителя: «...да будет воля Твоя..., не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого. Яко Твое есть Царство, и сила и слава во веки! Аминь».

Мы же помним, сам Христос наказал своим Ученикам, как молиться: «Отче наш... да будет воля Твоя...»

* * *

Ночевал в доме у сына. С 30 на 31 января был сон. Нечистый..., но интересный, в смысле некоторого рассуждения. Приснился Игорь Лягин – известный в Нижнем Новгороде и на Бору художник, бывший преподаватель в Строительной академии. Умер лет 8 назад. В искусстве (я его называл «левак», его любимый художник – Пикассо и всякие западные) он был активным, ищущим, творческим, театральным и музыкальным. Хорошо играл на баяне, любил песни русские. По его словам, «приходил нас слушать» под наш балкон. Бывало, мы пели и громко и слаженно по праздникам песни. Его отец, Николай Васильевич, был основателем самодеятельного театра на Бору и был атеистом, а мать Мария набожна, я ее причащал один или два раза, по болезни, перед смертью.

Сам Игорь иногда задавался вопросами веры. Может быть, пару раз заходил в Сергиевскую церковь, тогда восстанавливаемую, когда я там служил. Листал Евангелие (по его словам, «все там просто, как амеба, и что, мол, можно в нем изучать?»). Преподавая в Строительной академии рисунок, живопись и композицию, он преуспевал, было много учеников, увлекающихся его идеями, в частности, «расчленять изображаемый предмет». Я этого не понимал и не хотел понять, принять, мне это в принципе чуждо. Он часто бывал у нас с Н.Мидовым в мастерской, знал наши убеждения, может быть, даже уважал, но не разделял...

И вот он мне снится: много людей, какая-то группа. Куда-то они устремлены, и из них кого-то должны выбрать в качестве руководителя. А Игорь лицом как бы достойный, но видом – в расстегнутой рубашке, волосатая грудь, и рядом его первая жена – Вероника, умершая года три назад, почему-то обритая (нечистый сон!). И их как бы выбирают в лидеры, они, отделясь от группы людей, выходят вперед... выделяются!

Сон рассказываю не потому, что он сильно интересен, а потому, что то ли еще во сне, то ли по пробуждении вдруг мысль такая возникла: а что если Там все остается по-прежнему? Состояние души не изменяется, и Туда они (мы) пришли (приходим) без необходимых дел (о которых, к примеру, нам здесь напоминают Заповеди блаженства). Их, дел, нет! И молитв на Земле за их души нет, или они недостаточны и не прибавляются... И участь их «застыла» в том, неготовом, без дел состоянии...

И мне стало горько за себя... Ну, и за них тоже.

* * *

Легкое недомогание. Только бы не удушье. Он так этого боится. В последнее время, чтобы не было паники, при малейшем намеке на недостаток воздуха он вставал, одевался и выходил на улицу. И ходил по натоптанной тропе в своем саду-огороде. Ходил, ходил. Становилось спокойнее. Однажды такое случилось ночью, и все равно вышел, погулял, успокоился. Уснул...

С недавнего времени он ввел для себя за правило: утром, проснувшись, выходить на улицу минут на 15 до утренних молитв. И это, как «таблетка», помогает. Потом обычный распорядок...

* * *

Два человека вели разговор о вере в Бога, и в какой-то момент безрезультатности беседы один другому говорит: а зачем вообще Бог? Как зачем? Для порядка! Для того, чтобы солнце взошло и завтра... Бог – Творец всего – кроме всего, сотворил в мире Порядок: законы физические и нравственные... А человек эти законы открывал, познавал, «утверждал» (для себя) и руководствовался... Или в очередной раз отрицал Бога, веру... После падения Адама (первой четы, первой пары) был Каин, убивший брата... Гордость-диавол из зависти Божественный порядок старается разрушать. Так идет борьба. Всегда, непрестанно.

* * *

«Если пшеничное зерно, падши на землю, не умрет, то останется одно, а если умрет, то принесет много плода» (Ин.12,24). Итак, если хочешь быть плодоносным, – умри; умри настоящим образом, чтобы в сердце носить чувство, что ты уже умер. Как мертвый ни на что окружающее не отзывается, так делай и ты: хвалят – молчи, и бранят – молчи, и прибыль получишь – молчи; сыт – молчи, и голоден – молчи. Будь таков ко всему внешнему, внутренне же держи себя там, где бывает всякий умерший, – в другой жизни, пред лицом Бога всеправедного, готовясь услышать последний приговор. (...) Одна минутка осталась, скажешь себе, – сейчас приговор; дай поспешу сделать что-нибудь, – и сделаешь. Так и в каждую минуту».

Свт. Феофан Затворник «Мысли на каждый день года по церковным чтениям из слова Божия»

Мы так сегодня можем помышлять? Ни-ни, ни малейшую малость... Нам жизнь подавай. Только бы не умереть от ковида. Животный страх обуял нас, а страх Божий мы утратили! И нет мыслей, что напасть сия – попущение Божие, которое без молитвы покаянной не уйдет. И если кому-то, хоть и многим, хоть и всем верующим, посылается – принимай! Конечно, это трудно. Но играть с Богом в «кошки-мышки» совсем уж недостойно.

Необходимые предохранения, конечно, нужны – не чихать и не кашлять на соседа, ясно что... А остальное?..

Оставаться с Богом, обретая страх Божий, побеждая страх животный.

Господи, помоги! Матерь Божия, Ангел-Хранитель, защитите от враг видимых и невидимых!

* * *

Многих беспокоит вопрос прививки. На приходе спрашивают: «Как поступать?».

А может, не стоит бунтовать и сопротивляться против прививки?

Обратим внимание, нас ведь напрямую никто не принуждает отречься от Церкви (в Церкви, в богослужении ничего пока не изменилось). А толковники (не помню источник) говорят, что «при печати» (есть мнение, что в вакцине может быть чип-печать) будет прямой вопрос: Вы с Крестом, со Христом? И значит, лишаетесь обустроенной жизни... И вон на обочину, вы нам мешаете жить комфортно.

Так сегодня вопрос не ставится.

Если же мы делаем прививку и считаем, что изготовление ее для того и произошло, чтобы в ближайшей перспективе уменьшить численность населения Земли, то у нас (будем надеяться, что мы не перестаем быть с Богом) есть основание полагаться на апостольскую фразу: «аще что и смертное испиете, не вредит вам». И опять же, прививаясь – выполняя государственную установку, общую для всех, не сопротивляясь, а

усерднее молясь, мы вписываемся в «мученики»... Может человек иметь право так рассуждать? Может, потому что свободен...

Но Господь не оставит и тех, кто напишет отказ от прививки по той самой богоданной свободе, из которой вытекает следующее положение: «Человек имеет право на свое мнение. И право на ошибку».

Разбор поведения и окончательную оценку совершит только Господь – Христос.

* * *

Завтра у брата Геннадия день смерти-перехода. Два года, как он перешел. Думается, Там ему хорошо. Собирался поехать к детям его в Балахну, послужить и помянуть, но не получалось с транспортом и жары побоялся. Назначил службу в нашем храме. Помянем нашими прихожанами. Его тут тоже почитают, он раза два приезжал, и мы служили. И на юбилей приезжал, и к матушке моей на похороны. Многие наши его помнят и проминают.

Одна прихожанка даже отзыв похвальный написала. Я не могу его привести: слишком личное и сердечное выражает женщина. Приведу несколько строчек. В 2018 году она случайно познакомилась с семьей, которая хорошо знала отца Геннадия, и они ей, в свою очередь, добавили душевных восторгов в адрес брата. «Они мне рассказали, что отец Геннадий уже не служит по состоянию здоровья, но общение не прекращается: ездят к нему и даже готовят какой-то настой-лекарство для поддержания здоровья батюшки. А сын у этой женщины был алтарником у батюшки. С какой любовью они мне рассказывали об отце Геннадии»... А мне пишет женщина, это было понятно, как бы и без них, потому что «тогда на вашем юбилее я подошла к нему под благословение.. и его благословение помню до сих пор... Вы, может быть, не поверите, но отец Геннадий мне как родной. Я и молюсь о нем ежедневно, и всегда вспоминаю с большой любовью. Минутная встреча, но на долгие годы...»

Надеюсь, меня правильно поймет любезный читатель. Привожу это не потому, что он мне родной, а потому что он священник. Священник, бывает, сам того не осознавая, Милостию Божией, в трудный период у того или иного человека скажет слово или благословит, да еще на службе помянет, и полегчает на душе, убавится скорбь, оживет человек. Милостию Божией, повторяю.

Отец Геннадий любил своих прихожан, заботился о них, никогда не отказывал в духовной помощи. И люди его жалели и любили. Болел он немало.

Я предполагал в эту годину привезти в Балахну работу, посвященную ему, но не получилось. Сюжет давнишний – время, когда он служил еще в Кубинцеве в Сретенской церкви (первый его приход). Эскиз-набросок, выполненный углем, еще до моего священства. После смерти отца Геннадия мы с внуком перевели его на холст-картон, и я раскрыл в цвете. Называется «Встреча», колорит в темных тонах (сумерки). И хотя требуется еще доработка, но довольствуюсь тем, что все-таки выполнил обещанное самому себе – память брату почтил. Качеством не очень доволен, но настроение в картинке есть и определенный интерес тоже.

29 июня, 2021 год.

* * *

Апостол Петр, он такой разный. То кидается в море, чтобы так же ходить по водам, как Христос, то отрекается от своего бесконечно любимого Учителя, обнаружив самоуверенность, которую Господь поправит и вскорости простит: «Любиши ли Меня, Петре, паче сих?» То он ревнует к Иоанну, любимому ученику (будущему богослову) Христа. Могло же быть, что раз любимый, то и стать бы первым. Но первым становится уже немолодой (Иоанн же был юным), прошедший жизненные перипетии, набравшийся опыта, плачущий за отречение...

Итак, за что же? За какую добродетель Христос ставит его первохвонным? Павел-то ведь после присоединится, и даже после Вознесения Христова. Так вот за что. За высокое исповедание Его Божества: «Ты еси Христос, Сын Бога Живаго». Мы помним вопрос, заданный Христом ученикам: «А вы за кого Меня почитаете?». И Петр произнес свой ответ. И удостоился от Спасителя услышать: «Блажен еси, Симоне... Аз тебе глаголю, яко ты еси Петр, и на сем камени созижду Церковь Мою» (Мф.16, 17, 18).

Потом, совсем скоро, Петр, простой неученый рыбак (как и другие), просвещенный Благодатью Святого Духа, в своем Послании скажет слова своим современникам – пасомым, но слова эти будут касаться и последующих поколений, и нас с вами, как вразумление, как будто и не было двух тысячелетий: «Возлюбленные! огненного искушения, для испытания вам посылаемого, не чуждайтесь, как приключения для вас странного, но как вы участвуете в Христовых страданиях, радуйтесь, да и в явление славы Его возрадуетесь и восторжествуете» (1Пет.4: 12, 13).

«Огненные искушения» не переставали быть в истории церкви Христовой. И с нами сегодня происходят, и, кажется, мы не всегда достойно их проходим.

Такое вот изречение попало, опирающееся на слова апостола Павла: «Итак, кто понудит себя к послушанию, молитве, молчанию, к исполнению духовных обязанностей, к трезвению, тот соразмерно приложенным усилиям познает и благодать Божию, ибо Иисус Христос вчера и сегодня и во веки Тот же» (Евр. 13,8).

Никак не могу увязать эту установку с сегодняшней нашей действительностью, в частности, с манипуляцией с лжицей... Возникает вопрос: куда подевалась наша русская православная тысячелетняя традиция? Или Христос сегодня не Тот же? Или уже начинает действовать другое высказывание (приведенное апостолом, но Самого Христа): «Когда придут судить, едва ли обрящу веру на Земле».

Не начинается ли показ уходящей веры нашей. Тысячу лет не заражались. Вера была, а ныне уходит? У протоиерея Владимира Головина не уходит. Он очень убедительно (видел материал в интернете) утверждает невозможность заразиться от Лжицы, опускаемой в Чашу со Святым Причастием, ибо «Огонь бо есть».

Вера уходит. Остаются рекомендации...

Слово в праздник Петра и Павла 12 июля 2021

* * *

Судья неправедный, не боящийся ни Бога, ни людей, не хотел защитить вдову от соперника, но потом решил помочь, чтобы вдова не докучала ему. «И сказал Господь: слышите, что говорит судья неправедный? Бог ли не защитит избранных Своих, вопиющих к Нему день и ночь, хотя и медлит защищать их? Сказываю вам, что подаст им защиту вскоре. Но Сын Человеческий, придя, найдет ли веру на Земле?» (Лк. 18, 6-8).

Притча и про нас тоже. Господь уверяет, что избранных Своих, вопиющих к Нему, защитит, хотя и медлит. Проверяет веру вдовы и нашу... Вдова не терпит. Ей надо сейчас. Нам тоже. Бог ее не слышит? Бог смиряет. Не дожدهшься, пойду к судье. А мы пойдем исполнять предписания человеческие, и эпидемия отступит. Предписания одни за другими, и здесь мы умалеем-уменьшаем веру в Бога. Про Его защиту забываем, и потому слышим, должны слышать предупреждение: «...Сын Человеческий, придя, найдет ли веру на земле?».

Итак, всякое наше маловерие, нетерпение в надежде на Его Промысел, усугубляет процесс сегодняшнего хаоса и неразберихи в мире.

Наверное, всякий верующий человек может уличить себя в маловерии, вспоминая евангельскую фразу: «верую, Господи, помоги моему неверию».

Должно мне признаться в моем маловерии, относительно служения молебна о дожде. То есть я могу предполагать о возможности дождя по-

сле молебна, но чтобы «взять зонт», идя на молебен, такого у меня не было. Вспоминаю рассказы Анны Афанасьевны (заботливой няни из Нижнего), папа мне ее прислал в помощь в первый год служения в Кинешме. Матушка тогда по семейным обстоятельствам не сразу поехала со мной. Анна рассказывала (видимо то был период, когда она жила еще в селе, как крестьянка): «Мы шли на молебен по жаре, по пыльной земле, а обратно по лужам...» И, ведь у них, у народа простого, было твердое упование на евангельские слова: «...имейте веру Божию, ибо истинно говорю вам, если кто скажет горе сей: поднимись и ввергнись в море, и не усомнится в сердце своем, но поверит, что сбудется по словам его, – будет ему, что ни скажет. Потому говорю вам: всё, чего ни будете просить в молитве, верьте, что получите, – и будет вам» (Мк. 11; 23,24).

Те люди были простые труженики, и за свою простоту и веру получали. А мы сегодня лукаво ведем себя и не всегда достойно христианина...

Такое выпало нам испытание, и оно еще не кончилось...

ДНЕВНИКОВАЯ ЗАПИСЬ

Сон мне приснился. Страшный сон...

Кто-то так пел. Много слов, которые повторяются, и без них не обойтись. Что там было у певца и поэта напрочь забыто, а в моем сне страшность не менее пугающая: я проходил многие помещения церковные, соединенные между собою переходами, и в каких-то частях-отделениях были как бы алтари (бывают храмы, в которых по 8 приделов-алтарей). И все переходы и алтари украшены добротной резьбой. Иконы как-то не запомнились, но подходя ближе обнаруживалось, что службы там нет. Следует к другому – там тоже нет.

Наконец большой зал-пространство, но оно, пространство, пусто, а люди проходят как бы боковым коридором, минуя зал, ища алтарь... Какие-то люди, мужчины в черном, может, в подрясниках, один в каком-то головном уборе, типа митры.

Наконец какой-то голос рядом (вдалеке что-то произносится, слышится пение), а человек рядом говорит: «Ну, эти русские, ничего у них не поймешь». Похоже, что он с Украины, и у них намного лучше.

И, кажется, что высказанное во сне совпадает с действительностью. На Украине у Онуфрия порядка больше...

ИЗ РАЗГОВОРА С ЮНОЙ ПРИХОЖАНКОЙ ПО ПРОСЬБЕ ЕЕ МАМЫ

– Мне это неинтересно!

Это о любом, что предполагает Порядок (рамки, ограждающие от Хаоса), традиции, нашу историю...

– А что интересно?

– Мне интересны китайские драконы.

Юной христианской русской девушке – китайские драконы?..

– А что? Интересно, и все тут. И не надо мне ваших советов.

В нашей православной христианской традиции еще в начале четвертого века последнего дракона поразил великомученик Георгий, спасая царевну от пожирания, от смерти ее. Ныне у нас остались одни ящерицы, напоминающие о существовании подобных крупных мастей в физическом мире. А в духовном мире «драконы», безусловно, есть, но интересоваться ими, мягко говоря, чревато. Последствия могут быть самые нерадостные. Примеры есть, времени нет. Да в интернете же этом можно найти и ужаснуться.

Немало сект, где «драконы» возглавляют и помрачают множество легкомысленных, интересующихся иными традициями, вместо того, чтобы изучать сначала свои.

*Маму только что отпели.
Иеромонах и две схимонахини.
Похоронили на закате солнца
на берегу моря. Все хорошо.*

*Благодарю за молитвы. Елена.
1 июля, 21 час.*

Таких записок мы еще не получали, а если добавить, что это произошло на 9-ый день, то и вовсе все удивительно.

Следовало бы начать все по порядку, но просматривал в «Фоме» (июль 2021 г.) статью Александра Ткаченко «Кто хочет стать идиотом? Размышляя о князе Мышкине» наткнулся на слова, написанные самим Федором Михайловичем Достоевским: «Главная мысль романа «Идиот» – изобразить положительно прекрасного человека. Труднее этого нет ничего на свете, а особенно теперь...»

Если бы Федор Михайлович встретил героиню, о которой я пытаюсь что-то выразить, то «трудность» его поубавилась бы. Правда, он искал мужшину, а у нас женщина.

Ну а теперь без шуток, и как смогу, по порядку. И с самого начала, точнее начала конца.

Звонит Галина из Балахны и сообщает: позвонили из Москвы, Люся умерла. Людмила Журавлева. Люсей ее звали подруги: Галина, Наталья и Ангелина. Людмила – талантливая художница и, как оказалось, удивительная послушница. Все они – чада отца Наума, известного старца Троице-Сергиевой Лавры.

Итак, послушание, а с ним и смирение были отличительной чертой нашей Людмилы. Другие подруги не так отличались этой добродетелью, впрочем, Галина тоже была послушной, смиренной и трудолюбивой. Столько она нарисовала по благословию батюшки отца Наума! Ангелина и Наталья как-то не сразу прилепились к старцу. Наталья однажды даже сказала Люсе: «Чего это ты к нему прилипла так»? А та, всегда немного медлительная, помолчав чуть-чуть, тихо сказала: «Ты не видишь, он как царь»? Я потом тоже подумал: да, у него это и в фамилии прослеживается: он ведь Байбородин, а «бай» у некоторых народов что-то созвучное царю. Вообще все они его любили, и всякая несла свое послушание. Особенно Людмила. Она все и всегда делала по его слову – благословиению. Беспрекословно. Тихо и терпеливо.

Она жила в городе Владимире с мамой и дочкой. Будучи самой талантливой выпускницей Строгановского высшего художественного училища (факультет монументального искусства), она занимала видное место во Владимирском отделении Союза художников, всеми коллегами уважаемая (мы не раз встречались за часами в семействе Владимира Яковлевича Юкина – родоначальника Владимирской школы живописи, его жены Евгении Михайловны – знатока русской литературы и поклонницы творчества своего мужа). В какой-то печальный период своей жизни (умерла мама, дочь вышла замуж), бросив все свое художество, вдруг оказалась в Москве. Случилось это так. Людмила в очередной раз приехала в Троице-Сергиеву Лавру к своему духовному отцу. Отец Наум (как всегда окруженный множеством народа, в своей приемной комнате, находящийся рядом с монастырской проходной), наблюдая ее состояние, встает со своего места, нарушая очередность, подходит к ней, подзывает другую женщину, в отдалении стоящую, и говорит: «Вот вы, две Людмилы, живите вместе, будьте как сестры...» Та Людмила – москвичка и живет одна в квартире. Такое получили они послушание и выполняли его сполна в течение многих лет, до самой своей смерти.

А потом для нашей Людмилы сложились обстоятельства еще более решительные. Она продала квартиру во Владимире, и деньги пошли на приобретение участка (а в дальнейшем строительство дома) в поселке на берегу Азовского моря, где отец Наум формировал маленький монастырь...

Приазовье и Крым – это мечта многих художников. Людмила это всегда при случае высказывала. Но этюды и пейзажи отошли на задний план, потому что нужно было писать иконы для монастыря. И Людмила, кроме всего прочего, кроме дел «по мелочам», писала Крест-Голгофу и Божию Матерь Иерусалимскую.

Что же было «по мелочам»? В свое время в Москве в храме Христа Спасителя, Людмиле было послушание заведовать церковной лавкой, торговать Православной литературой, консультировать неверующих покупателей (однажды, когда я был в Москве проездом, мы там с ней встречались, и в этом качестве она мною не воспринималась). Но самой большой «мелочью», и узнал я это уже после ее смерти, было послушание трудиться нянечкой или уборщицей в отделении недоношенных детей и тайно их крестить. Продолжалось такое послушание около десяти лет.

Архимандрит Наум вникал духом своим во многие сферы бытия соотечественников, умело руководил послушниками своими, спасая их от мирской губительной суеты, а те, в свою очередь, своих окружающих... Так, к примеру, случайно пообщавшийся с отцом Наумом бывший боксер (впоследствии ставший архимандритом Ефремом) создал общину в Сабурове. К нему были направляемы особо неподдающиеся – буйные. И бывший боксер находил с ними общий язык, будучи сам удивительно смиренным и своим прежним опытом не пользовавшийся.

Или игумен Пантелеимон, совсем молодой человек, управляющий сейчас тем самым небольшим монастырем приазовским. Из абсолютно не верующей семьи, он стал ревностным деятельным монахом, о чем можно отдельно писать.

Или уже знакомое имя, мною не раз упоминаемое, отец Антоний. Мы познакомились, когда я был еще художником в городе Покров. Тогда он был игуменом и по благословению-послушанию архимандрита Наума возглавлял бригаду художников по реставрации-поновлению храма. Тогда-то в Покрове Антоний крестил, а я был восприемником девочки Елены – дочери покойной Людмилы. Неделю он хлопотал и работал по ремонту, а на субботу и воскресенье улетал в Вильнюс и служил там литургии. Такая вот «география» послушников – трудников Наумовых.

Возвращаясь к Людмилам. По телефонным звонкам выясняется, что ковид посетил их почти одновременно, с разницей в несколько дней, но попали они в разные больницы. Наша Людмила умерла 23 июня, а другая 28 июня. Другая была пострижена в монахини (но в обиходе это не озвучивалось) с именем Надежда, а нашу Людмилу не получилось: она болела и до ковида, несколько лет не выходила из квартиры. Но в какой-то момент за год-полтора до этого, Людмилы обратились к архимандриту Ефрему, который постригал Надежду, но он сам оказался болящим, а потом, совсем накануне, мог бы, но в ковидную больницу его не пустили...

Близкие люди наших подруг и, должно быть, также послушники отца Наума, по просьбе дочери Елены из приазовского поселка сумели организовать перевозку тела из московской больницы, привезти к берегу моря, как мы уже сказали в начале повествования. И как тут не подумает, как не вспомнишь такое высказывание: у Господа с каждым человеком «особые отношения». Уникальные (всякая же душа человеческая, человек уникален) и неповторимые. И конечно же молитвы и заботы (и с Той стороны) духовного отца делают свое дело. Невозможное совершается. Становится возможным. Не только душе, но и телу. Художник хоронится в нескольких метрах от моря. Созерцает закат и слушает плеск волн.

В 35 лет я серьезно заболел. Был большой испуг – с головой, с мозгами. На самом деле, как оказалось, было сильное переутомление. Матушка тоже испугалась. Надо сказать, что Лариса еще не была матушкой, потому что я еще не был священником. До священства, которое еще и не предполагалось, оставалось восемь лет.

Это был 1972 год, и работал я в Художественном фонде при Нижегородском Союзе художников, выписывал наряды художникам на поступившие заказы по художественному оформлению предприятий, всяческих общественных учреждений, магазинов, музеев и прочего (тогда всюду была распространена наглядная агитация, мы ее звали «ненаглядка»). Художники, приходящие к мастеру, чтобы оформить заказ, почему-то считали необходимым закуривать при этом, а маленькая комнатка, в которой мы, мастера, сидели, была апсидой, одной из трех частей алтаря (Художественный фонд размещался тогда в бывшей церкви – Сергиевской, ныне она полностью восстановлена и в ней проходят ежедневные богослужения). Апсида имеет потолок сферический, и дым от сигарет постоянно висел над нашими головами... В общем, примерно через полгода кончилось терпение. К обеду, к 12 часам, у меня нестерпимо разбалчивалась голова...

Однажды напротив сидящая Софья Васильевна – мастер столярного участка, видя меня с кислой физиономией, говорит: «Что вы, Евгений Николаевич, мучаетесь, пойдите к Голанду, он вас вылечит. Он лечит не таблетками, к нему все художники обращаются». Ян Генрихович Голанд, как я позднее узнал, применял модный тогда аутотренинг. Он очень хорошо со мной поговорил, включил какую-то запись. Дал мне больничный сразу на месяц и потом еще продлевал на 20 дней. Никаких пилюль. Поезжайте, говорит, на свой Бор и отдохайте. Когда почувствуете, что получше, приезжайте, посидите на моих беседах (это были как раз те самые аутотренинги, и я раза два или три присутствовал на них). А дома, на Бору, я спал и спал, необыкновенно много.

В тот период Библия (Ветхий Завет), прочитанная мною едва ли до конца книги Бытия, стала раскрываться передо мною шире, и в 4-й книге Царств я наткнулся на слова, будто написанные для меня, просто удивительно сходно. Я слезно благодарил Бога и умилялся. Вот этот поразивший меня эпизод.

Царь Израильский Езекия «заболел смертельно, и пришел к нему Исаия... пророк и сказал ему: так говорит Господь: сделай завещание для дома твоего, ибо умрешь ты и не выздоровеешь. И отворотился Езекия лицом своим к стене и молился Господу, говоря: «О, Господи, вспомни, что я ходил пред лицом Твоим верно и с преданным Тебе сердцем, и делал угодное в очах Твоих». И заплакал Езекия сильно... И услышал Господь слезную молитву царя Езекии и вновь послал к нему пророка Исаию сказать: «Я услышал молитву твою, увидел слезы твои. Вот Я исцеляю тебя и прибавляю ко дням твоим пятнадцать лет...» (4-я Царств гл.20 ст.1-6).

Плакал Езекия, плакал и я. Помнил число пятнадцать. Благодарил Бога. На время моего отсутствия в фонде был поставлен временно мастер, а через два месяца его оформили постоянно, а меня добрый директор перевел в художники, исполняющие заказы оформительского характера. У художников ненормированный рабочий день, и бригада-коллеги могут быть некурящие. Голова моя перестала болеть, утомление прошло, но мне казалось, что до 60 лет я не доживу. В тот период я взял себе за правило, кроме утренних и вечерних молитв, читать из Апостола, главу из Евангелия, и сколько-то из Ветхого Завета (что не всегда получалось). Но суббота вечер и воскресенье утро – в храме за богослужением.

Господь пощадил меня тогда молитвами родителей и братьев-священников, продлевал и продлевал мне жизнь (будучи священником в кине-

шемский период, я тоже болел; тогда мне поставили диагноз – стенокардия). И вот сегодня, когда мне перевалило за 80 и случилась с нами эта коварная напасть – коронавирус, мне задают вопрос: буду ли я делать прививку? Я отвечаю: не буду, не имею права перед Богом. Он меня одарил годами, на которые я не надеялся, и вдруг я перед его даром начну жить «по рекомендациям», а не по его воле, как в «Отче наш» – «Да будет воля Твоя»...

Вакцина – дело понятное и серьезное и большинству людей необходимое, но в моем случае ненужное, потому что у старого человека каждый день – от Бога подарок.

И два слова о категоричности. Возможно допустить такие предпологаемые обстоятельства. Скажут священнику: «Вся ваша община (40-50 человек) сделала прививку, а вы нет. Вы не можете в таком случае совершать литургию – служить Богу и людям». В таком случае я сделаю прививку, чтобы быть с общиной, но какие бы самые запутанные обстоятельства с нами не приключались, мы не должны никто забывать о дарованной Богом свободе.